

Ефим Честняков и дети.

(Скорик Наталья Юрьевна)

Ефим Васильевич Честняков... Это имя человека, прожившего большую необыкновенную жизнь и умершего в самом начале шестидесятых годов. Выставки его картин состоялись в г.Костроме, Ярославле, Горьком (ныне Нижний Новгород), Москве, Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), Вологде, Петрозаводске, Куйбышеве, а также в Париже, Флоренции, Милане, Турине, Гавре, Сенте.

Мировое искусствоведение, размышляя о большом художнике-мыслителе, ставит его в один ряд с великими мастерами: Пиросмани, Кампанеллой, Пиранези, Брейгелем-старшим. Академик Д. С. Лихачев сравнивал Е. Честнякова с великим Леонардо.

На некоторых афишах, извещавших о выставках, было напечатано: «Ефим Честняков – художник сказочных чудес». Именно таким художником он и был. Почти любая из его картин - диковинный чудесный мир, созданный фантазией, совершенно исключительной.

Впрочем, художник в нем не равнозначен лишь живописцу. Был он не только живописцем и ваятелем, в нем проявился сказочник и поэт, драматург и философ, артист и педагог... И со всем этим многообразием уже не в сказочном, не в фантастическом своем мире, а в реальной деревенской жизни был он – и швец, и жнец, и на дуде игрец!..

«Моя живопись – не сама по себе... Она у меня без моей словесности не живет... У меня почти нет картин, эскизов самоценных, что ли... Это... как бы один замысел, осуществленный многими путями, во множестве картин... Так что нельзя изъять ни одной, не повредив общему... Это мой единый, неделимый мир. Тут меня не всякий поймет... Чтоб понять, надо понять мои идеи, мои воззрения... надо знать, что у меня написано: какие сказки, сцены, стихи... Это все – в единстве... Вот в чем сложность...»¹

Был он не только живописцем и ваятелем, в нем проявился сказочник и поэт, драматург и философ, артист и педагог.

Его жизнь можно рассказать, как притчу, можно – как легенду, можно – так вот, как сам он в одном из своих стихов:

«Он трудился многи годы,
Окруженный хором муз,
И носился по народу
С грузом созданных искусств.
Ах, проказ же наш Ефимко –
Рыцарь сказочных чудес:
Умудрился невидимкой
В сказке жить всегда и весь!...»

¹ В.Шапошников. Ефимов Кордон: Роман. Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. с. 357

Такого человека как будто не надо домысливать: он сам о себе сказал достаточно.

Ефим Честняков жил как будто в двуедином мире – среди реальной деревни и среди деревни, порожденной его воображением...

Первые выставки картин Е. В. Честнякова обратили на себя внимание кинешемских зрителей. Честняков писал копии с картин Эрмитажа и по заказу, чтобы иметь деньги для существования, вырученные по лотерее при продаже картин после их выставки в Кинешемском уезде. К художественному стилю «Мир искусства» близки исполненные Е. Честняковым эскизы к свадебным песням, к трагедии Шекспира «Король Генрих 4», «Гамлет» и т. д. Но главная тема картин и эскизов – народ и крестьянство. Символично эта тема изображена в картине «Слепой баян, певец народный».

Эту картину Честняков писал несколько раз, вносил изменения в композицию. Для получения жизненных средств Честняков пишет и картины по заказу. Его картины сходны с картинами передвижников, но в отличие от них, более естественны, правдоподобны, всегда идеализируют крестьянскую жизнь. В жизни крестьян, одетых в лапти и домотканую одежду, Е. Честняков видит больше человеческого тепла, чем у горожан. Люди, изображенные на его картинах, чаще всего сообща пекут хлеб, вместе строят сказочную деревню – город.

Содержание картины «Тетеревиный король» перекликается со сказками «Иванушко» и «Сергийшко», и в свое время выражено было в утраченном тексте сказки такого-же названия.

Гимном коллективному, добровольному труду является текст произведения «Шабловский тарантас», где говорится, что от постройки общего тарантаса и общей поездки в Кологрив для закупок для всех, включая многих, не поехавших в город, крестьяне стали строить общую стену, общие печи и печь в них пироги для всех, (что очень совместимо с его картиной «Город всеобщего благоденствия»).

Анализ картины специалистами показывает, что там около 120 персонажей, и там можно подметить интернациональные костюмы Украины, Белоруси, Прибалтики и т. д., что он спланирован так же необычно, как северные русские деревни, как само Шаблово.

Вся скульптурная композиция «Кордон» состояла более чем из 800 фигур разного характера и назначения. До нас дошло чуть больше 30. «Скульптура Честнякова была чем-то похожа на целый народ, который мог, как в жизни, собираться в отдельные группы, в отдельные конкретные ситуации...»

В картине «Праздничное шествие Мир» на фоне житейского сказочного города изображена девушка на белом коне, за ней ее подруги, а впереди молодой мужчина с вымпелом, на котором написано слово «МИР». Можно предположить, что эта картина была написана в годы м.в. (мировой войны), т.к. созвучна с «Обращением» Е. Честнякова. Вот текст его «Обращения» (из записной книжки Е.В. Честнякова) «Собратья страждущие,

дети земли, кто бы вы ни были – богатые и бедные: обращаюсь к Вам как бы от вашего имени – кажется мне, что все вы думаете одно, все желаете мира, но не имеете будто средства, чтобы могли сказать об этом все и всем, чтобы все вас услышали. Вот я говорю вам и будто видится мне, что говорю то, что вы хотите сказать: прекратите войну, примиритесь, изберите все народы от себя представителей, чтобы они собрались в одном месте и обсуждали международные нужды, желания и чтобы ваши обсуждения тотчас же рассылались печатью, граммофонами и кинемой по своей земле, и чтобы со всей земли суждения собраний международных сообщались, и, чтобы таким образом, вырабатывались незамедлительно и обстоятельно условия мирных отношений..., а пока идут мирные переговоры, займитесь культурной работой и исследованиями... Мое желание: чтобы были открыты границы и государства все и для всех, для всяких торговых и прочих отношений и это будет хорошо и благотворно для всех народов. И еще такое правило: свое можешь дарить и чужого не бери, если не дарят так же».

Фрагмент сказки про Стафия – строителя нового города есть в картине «Сказочный мотив».

В декабре 1920 года в д. Шаблово Е. Честняков организует Детский сад – своеобразный прообраз дворца пионеров, считает его началом университетского образования в Шаблово. Для детского сада он пишет сказки, небольшие пьесы. Тогда же он пишет картину «Наш фестиваль».

В картине «Коляда» нашла отражение суть художественного и поэтического мировидения Ефима Честнякова. Она собрала почти все лейтмотивы произведений, написанные им до нее... В эту картину введен литературно-художественный текст. При калядовании описан и показан двор сначала справного, потом нерадивого хозяина.

В картине «Белошвейка» на фоне большого города воспринимается как обобщенный символ, образ молодой мастерицы.

Герои и героини Честнякова кажутся на его картинах безликими, но на самом деле имеют, невидимые другим черты прототипов.

В 30-50 г.г. Е. Честняков пишет акварельные портреты односельчан и жителей окрестных деревень. Портреты хранил у себя, поэтому они в большинстве своем сохранились. Дарил их лишь самым близким людям. Эти портреты можно отнести к разряду наиболее лучших произведений портретного жанра изобразительного искусства этого времени. Это своего рода, документ эпохи, выраженный высоким искусством, эпохи, в условиях которой он жил, чувствовал, мыслил и работал на крестьянской ниве и ниве искусств.

Подобно этому чистому ключику, художественное творчество и вся долгая, сложная, многострадальная и в то же время пронизанная светлым оптимизмом, жизнь Е. В. Честнякова вливается в поток шабловской деревенской и городской культуры, культуры общечеловеческой, требующей не только гуманного отношения к жизни, но и к душе. Он принадлежит к тому высокому классу художников и одновременно мыслителей, мудрецов, философов, проникающих взором в будущее, о которых так точно сказал А.

Блок: Человек такого типа «...независимо от себя, по самой природе своей, видит не только первый план мира, но и то, что скрыто за ним, ту неизвестную даль, которая для обыкновенного взора заслонена действительностью наивной, тот, наконец, кто слушает мировой оркестр и вторит ему не фальшивя.»

Особые, дружеские отношения у Ефима Честнякова складывались с детьми. Вместе с ними он устраивал веселые игры, похожие на театрализованные представления, сочиненные им самим.

«Деятельность моя – детский мир в основном. Верю, что только через душу детей можно прийти к будущему. Надо ее напитать сказкой завтрашнего дня», - говорил Ефим Васильевич.

Глазами детей Честняков смотрел на мир, их устами доносил до зрителей свои мысли, со свойственной детям искренностью, непосредственностью и чистотой.

«Я – увлекающийся, и кажется, нередко называю их, так сказать, желательными именами, подобно тому, как дети свои постройки из песка и глины, палочек и дощечек называют причудливо. Им кажется: предметы эти уже соответствуют именам, образцы будто уже воплощены, но посторонний человек, особенно «взрослый», не увидит ничего такого в детском творчестве, если дитя не напишет, не скажет, что именно построено...»².

В своей деревне Шаблово Е.В. Честняков организовал Детский сад, своеобразный прообраз дома творчества, считая его началом универсального образования, где он учил детей чтению, письму, рисованию, а также наблюдать природу, видеть красоту, воспитывал лучшие человеческие качества: уважение к родителям и старшим. Его уроки труда, ремесел, художеств, музыки, этики – это последовательная система формирования личности ребенка. Сочетание умственных занятий, физического труда, увлечение искусствами и ремеслами, общение с людьми – именно такое сочетание считал Честняков, обеспечивает необходимую гармонию жизни и воспитывать это нужно с детства.

Сам Ефим Васильевич в своем неопубликованном произведении «Стафий – король тетеревиный», во время диалога Радугина и царя, где Радугин – это Честняков писал о себе, так рассказывает о своем Детском саду: «...В детсаду, разумеется дети от 3-х до 7-ми лет, от 9-ти до 3-х часов. Но в нашей деревне нет других учреждений для других возрастов, потому, сколько не ограничиваем возраст и время посещения, приходят и раньше 9-ти и после 3-х часов, обыкновенно от утра до вечера. Скорее подходит название Детский культурный очаг. И вообще для всех, например, наши представленья... Все свое: и хлеб, и одежда, и вещи, которые детям показываю, струны и музыки...

Я нахожусь в ужаснейших условиях: в пыли, в чаду от плохой печки, простужаюсь от холоду. Всю зиму сплю, не снимая верхней теплой одежды, на печи... Всю зиму не парился. И все мне не досуг ровно и пуговицы

² В.Шапошников. Ефимов Кордон: Роман. Яросл. Верх.-Волж. кн.изд-во, 1983. с. 5

пришить к одежде... Придумывал и писал декорации, и скелет для них делал сам, столики для детей, буквенный шрифт из глины, клише картинок для раскрашивания, костюмы, маски, куклы, коляски, и я же пишу пьесы для представлений в детском театре... И в этой куче всякой работы с плохим инструментом, помещением, приходят в наш дружный залавок кому, когда вздумается: от утра до вечера, во все дни, не исключая и праздников, даже Рождества Господня... и по вечерам даже...

Если бы только от 3-х до 7-ми часов, да это не вышло бы. Потому что в деревне нет часов, а если и есть у кого, то у всех по-своему...

Но, желая дать какое-нибудь культурное займище всем возрастам, приходится открывать двери от утра до вечера. А когда запрешь, стучаются: то тот... другой... И все выходи, отвечай им... Каша бестолковая...»³.

До конца дней своих Ефим Васильевич отдавал детям тепло своей талантливой души, свое искусство, прекрасно сознавая, что дети – будущее. Он воспитывал их в духе прекрасного:

«Для кого я пою и играю на лире?
Ах, и песен своих не могу я отдать
за сокровища в мире.
И славы не нужно, и мненья людей,
И мила мне одна лишь улыбка детей...»

Очень любили его сказки и рисунки дети. Для них Ефим был самым интересным человеком в деревне. Он ни в чем не отказывал ни ребятам, ни взрослым.

«Однажды Ефим задумал подготовить небольшое уличное представление. Он набрал «артистов» из ребятишек, сам нашел им пестрых костюмов из цветных лоскутков, которых они натащили ему целый ворох, сделал простенькие картонные и бумажные маски, шляпы диковинных фасонов, себе шляпу смастерил высокую, бураком, из картона же и бумаги вырезал несколько огромных подсолнухов и цветов, зонт, секиру, прикрепил все это к палкам...

Странное, невиданное зрелище предстало перед шабловскими... Посреди деревни, появившись со стороны оврага, вышагивала ватажка каких-то маленьких человечков, возглавляемая высоким стариком с кудрявой бородой из кудели, в диковинной шляпе бураком, с гармонью в руках. Над ватажкой колыхались ярко раскрашенные бумажные подсолнухи, цветы, зонт, секира... Вся компания дула в глиняные свистки и дудки, на каждом были бумажные маски, тоже ярко расписанные и раскрашенные. Самый маленький усердно колотил в бубен. У каждого человечка в руке было еще по колокольчику. Разладному свисту и звяканью старик подыгрывал на тальянке...

³ *Приложение к газете «Кологривский край».

Все шабловские от мала до велика повысыпали на улицу, в узулнении смотрели на ряженных.

Батажка между тем остановилась посреди гулянка, «старик» что-то негромко скомандовал, человечки образовали кольцо и, притопывая, позвякивая в колокольчики, стали ходить по кругу. «Старик» стоял в центре и не шибко умело подыгрывал им на своей гармонии, потом он снова что-то негромко сказал, и человечки выстроились в линейку за спиной у него, он же стал посредине их цепочки, начал изображать наровистого коня, крутил и мотал головой, бил правой ногой, будто копытом...

И вдруг вся компания по его сигналу в раз брякнула шоргунцами и, сорвавшись с места, вприпрыжку, вприскочь помчалась в дальний конец деревни...

Все это было так забавно и необычно, так весело, что вся деревня хохотала до упаду. Все были настроены на добродушно-веселый лад, все сразу оживились, громко разговаривали: «Ну, Ефим! Ну, Ефим! Ну, выдумщик! На-ко! На-ко! Что придумал!...»⁴.

«Я очень люблю, когда люди играют, - читаем мы в его записях. - Мужичок, изуставший над сохой, при встрече с товарищем пошутит, расскажет прибаутку. В том и красота, чтобы человек возвышался над жизнью в искусстве. Жизнь такова, какова она в творчестве людей. Человек создает красоту жизни, и чем дальше, тем прекраснее ее красота».

Эта любовь к игре, умение видеть во всем что-то живое лежат в основе честняковского театра. Декорациями служили его картины, «глинянки» - глиняные куклы, домики, хлебные скирды, костюмы и маски. В его показах сказок принимали участие ребята.

В своих сказках Е. Честняков мечтал о создании «Могучей универсальной культуры», полагая, видимо, что она сможет изменить жизнь и мироощущение людей, несмотря на нищету и голод жителей своей деревни, но он как мог, воплощал эту идею в жизнь.

«В своих импровизированных спектаклях он был не только художником, декоратором, но и актером, и режиссером, и музыкантом, и даже певцом. Вероятно, подобный синтез искусств он и вкладывал в понятие культуры, о создании которой так радел. Отсюда и пошел его «Город благоденствия», повторенный затем на холсте и ставший одним из лучших живописных произведений Е. Честнякова. Кто знает, что руководило художником, когда он водил людей по своему сказочному городу, рассказывал сказки, веселил. Хотел ли он этим передать мир, мировоззрение крестьянина или обогатить его искусством, приобщить к прекрасному? А может быть, утешить, дать людям хоть немного радости?

Как бы там ни было, но те, кто знал Ефима, и сегодня вспоминают, сколько радости приносили людям его «картинки, песни и сочинушки». И как люди поверили его сказкам, потянулись к нему! Из дальних деревень шли крестьяне взглянуть на его чудеса, душу облегчить. Значит, не без

⁴ В.Шапошников. Ефимов Кордон: Роман. Яросл. Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. с. 315

пользы творил человек – и это главное. Ему не надо было ходить «в народ», чтобы постичь все тяготы народной жизни. Крестьянский сын, он кровь от крови, плоть от плоти самого народа. И потому служил ему как мог».⁵

У Честнякова народно все: и образы, взятые из жизни, и образы фольклорные, идущие от лубка, и сказочные, так любимые каждым с детства.

И музыка здесь что ни на есть народная: гармошка, гусли, дудочки, свирельки. И сам колорит, сама атмосфера его полотен. Что могло быть доходчивее, понятнее простому человеку, чем это волшебство, навеянное народным творчеством, русской сказкой. Но честняковские сказки стали еще ближе, потому что от их образов веет такой реальностью, которая позволила мужику узнать себя, взглянуть на себя как бы со стороны, через сказку ощутить жизнь – ту, что есть, и ту, что может быть.

Идеал народной жизни, созданный Честняковым, – это изобилие и радость, приносимые свободным, вдохновенным трудом. Здесь все призвано озарить человека, принести ему надежду и веру. И одухотворенные лица крестьян, и лукошки, полные фруктов, обилие зерна на току, скота на пастбищах, и радость на лицах старух и босоногой детворы. И как символ света – подсолнух в руках у деревенской девочки. Вот какой должна быть жизнь, вот к чему надо стремиться.

«Честняковские сказки будоражили воображение, делали почти осязаемой ту жизнь, о которой мечтал народ, за которую надо бороться, коль она так прекрасна. Являя собой разительный контраст современной жизни, они звучали своеобразным вызовом общественному порядку, который угнетал человека, низводил его до положения раба. Только в сказке человек сыт, весел, счастлив – разве это не приговор, вынесенный современником существующему строю? Сказка – ложь, да в ней намек...

Честняков верил в жизнь, знал наверняка, что будет она когда-то и счастливой, и хлебосольной.»⁶

Многие свои сказки он «брал» на холст. Так родились картины «Тетеревиный король», «Шабловский тарантас», «Чудесное яблоко» и многие другие.

«Сегодня, когда уже много лет прошло, как Ефим Честняков ушел в мир иной, о его рисунках, театре, сказках, вспоминают с грустью. Вроде как не ценили, недопонимали. Но память хранит все, порой до мельчайших подробностей. И встает перед глазами тех, кто его знал: высокий, худой, с русыми волосами и светлыми глазами, в холщевом, похожем на плащ, белом халате с огромными накладными карманами, которые всегда были набиты книжками, глинянками, свистульками и конфетами для ребят.

⁵ *Газета «Правда» 1977. 13 мая. №39. Л.Голушкина. Свирель Ефима Честнякова.

⁶ *Газета «Правда» 1977. 13 мая. № 39. Л.Голушкина. Свирель Ефима Честнякова.

«А что, летать ты умеешь? Летаешь во сне? – спрашивал он детей, придя с ними в одно из любимейших мест в округе – урочище Скатерки – Это хорошо, хорошо, если летаешь. Значит растешь... Давайте учиться летать!»

Внешне он и с ребятами бывал суров, по головке не гладил. Но любил их всей душой, и они это чувствовали, к нему тянулись и шли за советом, и за помощью.

Как-то в престольный праздник прибежали к нему деревенские ребяташки: «Дедушка Ефим, а что, правду говорят: в праздник грех есть и работать?» Посмотрел он на ребят внимательно и, не торопясь, ответил: «Конечно, неправду. Грех обманывать, родителей не почитать, мстить – грех и завидовать. А в еде да в труде никогда греха нет».

Занимаясь с ребятами разными ремеслами и искусствами, приучал их Ефим всему учиться, чтобы все уметь делать самому и приносить радость другим. «Труд готовый не бери, свой как новое дари». Только тот, кто умеет трудиться, не жалея себя и не лентясь, достоин уважения. И когда самого Ефима спрашивали, сколько он учился, он отвечал: «Сказать много, будете завидовать, а сказать мало – не будете уважать».⁷

Ефим Честняков не представлял никакую художественную школу. Талантливый русский человек, крестьянский сын, он жил на земле и, как мог, осмысливал жизнь, стремился ее преобразить так, как ему казалось возможным.

Особенно хочется подчеркнуть своеобразие, творческую самостоятельность Е.В. Честнякова. У нас стало чуть ли не традицией: как только появится новое имя, ему сейчас же подыскивают аналог, начинаются усиленные поиски – на кого похож. Хочется измерить знакомой, привычной меркой. Нечто подобное происходило и с Честняковым. Его сравнивали с Руссо, Кампанеллой, Пиронези, называли русским Пиросмани. Может быть, на первый взгляд, такие сравнения и весомы, и лестны. Но ведь сам факт сравнения говорит о похожести, утверждает вторичность творчества, отрицая его оригинальность. А настоящее искусство начинается с творческой неповторимости автора, и это дороже всяких, самых лестных сравнений.

Илья Репин так оценивал искусство Е.Честнякова: «...интересно, любопытно и талантливо. Вы идете своей дорогой, именно своей, она не похожа ни на какую другую! Это хорошо! У Вас совсем особенное направление. Вы уже художник! Это огонь! Этого ничем не удержишь!»⁸

Стоя у полотен Честнякова, вживаясь в его образы, проникаясь их поэзией, их такой ощутимой народностью, оказываешься в волшебном царстве сказки, похожей на жизнь. Почти на всех – дети – в развеселых «Коляде» и «Нашем фестивале», и в добром «Чудесном яблоке», и в

⁷Журнал «Наука и религия» 1977. № 12. Л.Голушкина. «И мила мне одна лишь улыбка детей...» с. 7

⁸В.Шапошников. Ефимов Кордон: Роман. Ярослав. Верх.-Волж.кн.изд-во. 1983. с.372

нарядной волнующей «Крестьянской свадьбе», и в грустной, но возвышенной «Слушают гусли». Они играют, поют, мечтают, улыбаются. Творчество Е.В. Честнякова шло от сердца – и воспринимать его надо прежде всего сердцем.

«Ночами работаю над материалами Е.Ч. Медленно идет работа...- размышляет В.Я.Игнатьев на страницах своего дневника. Его дух полон трагизма, ибо дух его был постоянно молод, молод настолько и настолько чист, что он сам себя ощущал способным начать даже личную жизнь в свои 70 лет. Ему нужно было духовное единение, ему нужен был спутник в духовной его жизни, но не семья в том обычном для преобладающего большинства людей смысле. И мир ощущений его жизни все-таки был далек от реальной жизни деревни, крестьян; в нем слились идеи города с его философской мечтой и наивная в форме фольклорной трансформации крестьянская легенда о лучшей жизни: все эти летающие люди, сказочные большие города-деревни, большие пироги на один праздник, чудесное яблоко для всей деревни от осени и на всю зиму – эта идея всеобщего благоденствия – мечта крестьянина, мечта, которая была вложена в его душу еще в раннем детстве бабушкой Прасковьей, дедушкой Самойлом и всей деревенской жизнью с ее общим и древним укладом. Но эта мечта требовала выражения – форма искусств, которую он познал в городе, она уводила его от того изначального содержания грез, легенд (в его сознании), мечты которые были в деревенской жизни.

Трагедия его глубока. Стремясь произвести определенные преобразования в общей жизненной структуре деревни, он вместе с тем пребывал в каком-то светлом своем детстве постоянно и всю жизнь до ее конца.

Историческая ситуация его жизни, его собственное мировосприятие – вот, пожалуй, истоки его трагедии, с которой он в практической жизни так и не смог справиться. Он чувствовал в себе силы глубоко гуманного содержания и такой большой любви ко всему на земле живому, что для него насилие в любой форме и в любом проявлении было совершенно и органически неприемлемо. Он чувствовал извечное стремление крестьянского люда к всеобщему благополучию – благоденствию – а на его глазах совершалось насилие: отбирали практически не только излишки, но и жизненно необходимые накопления.

А он чувствовал в себе силы и возможности сохранить не только данное ему народом, но и понять, осмыслить философски и формами многих видов искусств все происходящие вокруг него явления, суждения, идеи и научные достижения. Поэтому-то он и рвется постоянно в ученики к Репину, видя в нем учителя не только в изобразительном творчестве, он с ним спорит (в письмах), он его до самоунижения умоляет, он прорывается в Салоны (был в 1913 году в Куокалле у Чуковского, в обществе был, даже читал свои «сочинушки», - потом он в 50 г.г. пытается, пробует напомнить этому «мэтру» о себе, но, наверное, так и не решился, написал только черновики

своих писем к нему...), он, преодолевая колоссальные материальные трудности, все-таки учится и учится-то у самого художника Д.Н. Кардовского (!) – и после всего этого, почти незамеченный, он остается запертым в своей деревне.

Ефим Честняков творил, мыслил, думал, рассуждал самобытно, самобытно в том смысле, что самому приходилось до многих вещей доходить и в собственном же быту.

Оттуда же пассивная активность: начал участвовать в работе Дома искусств в Кологриве – в полеткульте, начал создавать свой дом малолеток (дом творчества, по-нашему), участвовал в концертах, которые сам устраивал по своим произведениям, устраивал выставки в музее, выставки – представления, передвигаясь от деревни к деревне, и все это без того активного действия к практическому достижению каких-либо изменений в жизни, к каким он стремился еще в Петербурге, когда формулировал свои цели в жизни («пора устраивать пути и дороги, могучую универсальную культуру»). Может быть, в нем было больше от художника, артиста, поэта, чем от революционного преобразователя мира тех, из которых он происходил? Может быть, для него все-таки было основной программой вот это: «чтобы работать так деликатно, как искусство, надо жить, кипеть светлым, светлым ключом...».

И далее из дневниковых записей Виктора Яковлевича Игнатьева: «Мне бы хотелось, когда я умру, чтобы сердце мое похоронили рядом с могилой Ефима Васильевича Честнякова, ну, а тело брренное – вблизи с Николаем Шуваловым. Очень хотелось бы, чтобы была выполнена обязательно первая часть пожелания, ну, а вторая, чтобы не утруждать родственников большими хлопотами, можно там, где получится. Может быть, желание это мое не совсем скромное, но не тщеславия ради, не легенды ради я желал бы этого. Нет. Причина в более глубоком. Причина в духовности, которую я почерпнул у этого великого человека, у которого, как я ощущаю до сих пор, еще не исчерпал до конца и не осознал полностью...

Ефим Васильевич не был созерцателем красоты, для него она была естественным состоянием, он строил свое искусство на уже уложенном самой природой красоты – фундаменте, он шел дальше, шел выше. Поэтому-то его искусство велико, оно – мысль, философия, мудрость, в основе которых лежит естественная красота и прелесть самой природы. Поэтому он был вправе фантазировать, трансформировать, так как близок был природе. Она в нем была самым естественным образом. Честняков – художник будущего, и очень трудно хоть сколько-нибудь приблизительно определить то время, когда начнется истинное открытие этого мудреца...»⁹

⁹ Историко-краеведческий журнал «Губернский дом». К., № 1-2, 2005. В.Игнатьев. Дневниковые записи., с.21-29

Источники:

1. В.Я.Игнатъев. Е.П.Трофимов. Мир Ефима Честнякова. Молодая гвардия, М., 1988.
2. Ефим Честняков. Новые открытия советских реставраторов. Советский художник, М., 1985.
3. Лев Кузьмин. Чудесное Яблоко. Рассказ о художнике Честнякове. Детская литература, М., 1981.
4. В.Я.Игнатъев. Ефим Васильевич Честняков. Издательство «Теза», 1995.
5. Ефим Честняков. Поэзия. Издательский Дом «Компьютерный аудит», М., 1999.
6. В. Шапошников. Ефимов Кордон. Верх.- Волж. кн. издательство, 1983.
7. Журнал «Наука и религия» № 12, 1979.
8. Журнал «Губернский дом» № 1, 1994.
9. Журнал «Губернский дом» № 1-2, 2002.
10. Журнал «Губернский дом» № 1-2, 2005.